

«Защита собственности — не абсолют. Пора сделать ее общественно полезной»

17.09.2025

ИНТЕРВЬЮ

СОБСТВЕННОСТЬ

С героем интервью этого номера профессором кафедры гражданского права юридического факультета Туринского университета Уго Маттеи мы познакомились на Петербургском международном юридическом форуме, куда он приехал по приглашению Лидии Михеевой, руководителя Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева. Нас заинтересовала его точка зрения по поводу развития права, особенно права собственности. Не так часто удается взять интервью у западных профессоров права, открыто и жестко критикующих неолиберализм и западную правовую систему. Интервью с Уго Маттеи получилось интересным и эмоциональным.

– Приезд на Петербургский международный юридический форум — уже не первое Ваше посещение России. Когда Вы впервые познакомились с нашей страной?

– Я окончил Туринский университет в 1983 г., еще во времена СССР, и в начале научной карьеры изучал советское право. Впервые приехал в Москву в 1986 г. и с тех пор поддерживаю контакты с российскими коллегами.

В 1998 г. мой друг Джордж Флетчер, профессор уголовного права Колумбийского университета в Нью-Йорке, предложил мне написать главу о праве собственности в учебное пособие для студентов юридических вузов на постсоветском пространстве [\[1\]](#). Я провел сравнительный правовой и экономический анализ принципов западной правовой традиции. Для одобрения книги как университетского учебника в качестве соавтора был

приглашен профессор Суханов, который написал теоретическую часть с опорой на действующее российское законодательство. Это стало прекрасным дополнением. Книга вышла в 1999 г. в России, а в 2000 г. была опубликована на английском языке в США. Затем я несколько раз бывал в Москве с ее презентацией, а в 2018 г. во время визита по приглашению доктора юридических наук Дмитрия Дождева убедился в том, что наш учебник остается востребованным. В мае этого года Центр частного права и его руководитель Лидия Михеева пригласили меня выступить на Петербургском международном юридическом форуме.

- Что больше всего впечатлило Вас на Петербургском международном юридическом форуме?

- Прежде всего высокий уровень развития российского юридического сообщества и активное взаимодействие правовой науки и политики. На форуме я видел не только правоведов, но и экономистов, политиков, чиновников. То, что право было представлено как важная часть образовательной системы современной России, произвело на меня большое впечатление.

На форуме я встретил заместителя министра юстиции РФ, который сказал, что, будучи студентом юридического факультета, учился по нашей с Евгением Сухановым книге. Мне было очень приятно это услышать.

Я действительно стремился предложить ряд идей, применимых в современной России. Для меня было принципиально важно адаптировать эти концепции к российским реалиям. Скажу откровенно: я ненавижу империализм, особенно культурный. Я не хотел действовать по западной модели — диктовать свои порядки, исходя из убежденности в собственном превосходстве. При написании книги моей целью было показать, как обстоят дела с правом собственности в западном мире.

Глядя на Россию сегодняшнюю, должен сказать, что мне очень импонирует то, как здесь

относятся к праву и законности. Вопреки западной пропаганде при внимательном рассмотрении видно, что руководство современной России очень серьезно подходит к вопросам законности.

Досье

Уго Маттеи — профессор кафедры гражданского права юридического факультета Туринского университета и международного и сравнительного права в College of the Law Калифорнийского университета в Сан-Франциско, координатор Международного университетского колледжа Турина. Сотрудничает в качестве обозревателя с итальянским периодическим изданием *Il Manifesto* и независимым телеканалом *Wyoblu*.

Ключевые работы

- | Mattei, Ugo. *Comparative Law and Economics*. — Michigan University Press, 1997.
Маттеи У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. — М., 1999.
- | Mattei, Ugo; Nader, Laura. *Plunder. When the Rule of Law is Illegal*. — Malden, MA: Blackwell Publishing, 2008.
- | Mattei, Ugo; Quarta, Alessandra. *The Turning Point in Private Law. Ecology, Technology and the Commons*. — Elgar Studies in Legal Theory, 2019.
- | Маттеи У., Капра Ф. *Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом*. — М.: Издательство Института Гайдара, 2021.

Для справки

Уго Маттеи вырос в семье итальянских антифашистов. Его дед (тоже Уго Маттеи, выпускник юридического факультета Турина), успешный предприниматель из Милана, в знак протеста против

режима Муссолини оставил практику и стал простым каменотесом. Семья переехала из Варезе на виллу на окраине Флоренции. Дядя Уго Маттеи, Джанфранко Маттеи, во время войны, будучи молодым преподавателем химии, производил взрывчатку для коммунистического подполья. 1 февраля 1944 г. по доносу был арестован гестапо. После пыток в тюрьме Джанфранко покончил с собой, опасаясь, что не больше выдержит и выдаст товарищей. Его похоронили 19 февраля на римском кладбище для бедных — всего за четыре месяца до освобождения города союзными войсками (4 июня 1944 г.). Ему было 28 лет. Тетя Уго — Тереза Маттеи, была самым молодым членом Учредительного собрания Италии. Она также состояла в коммунистической партии, и именно ее группе приписывают создание итальянской традиции дарить мимозу на 8 Марта.

– Значительная часть Ваших научных интересов была посвящена праву собственности. Наблюдаете ли Вы какие-то черты, отличающие подход российского законодателя к праву собственности по сравнению с подходом законодателей из других стран?

– Я исхожу из того, что право собственности всегда выступает посредником между противоположными интересами. Западная правовая традиция трактует собственность как отношение «человек — вещь», то есть господство субъекта (человека) над объектом (неодушевленным предметом). Но у меня нет отношений с вещами, у меня есть отношения с другими людьми. Право собственности по своей сути реляционное: оно выражает взаимосвязь моих прав с правами других людей. Если я владею частным пляжем, то вправе не допускать на него других. Таковы мои отношения с другими людьми. Собственность никогда не была абсолютной или свободной, как нам рассказывали. Это идеология.

Исторически собственность — материальный правовой институт, наделяющий разные социальные группы разными правами и обязанностями и создающий калейдоскоп конфликтов. В этом контексте собственность неизбежно взаимодействует с суверенитетом. Суверен понимается как верховная власть, воображаемый собственник всей территории страны, управляющий частной собственностью во имя общественного блага. Собственник

же исторически всегда стремился стать маленьким сувереном своей собственности, свободным от чужого вмешательства, а такая свобода возможна лишь в отдельные исторические периоды (к примеру, в США в первой половине XIX в., на Диком Западе), но не в организованном обществе. Управление суверена (обычно государства) необходимо. Оно должно обладать властью над собственностью, но эта власть не может быть произвольной.

Приведу пример. Российский предприниматель с активами в Германии попадает под санкции, направленные против правительства его страны. Эти санкции ограничивают его собственность и продиктованы политической логикой. Но право собственности предполагает наличие законов в регулировании отношений собственности. А если санкции продиктованы исключительно логикой «друг-враг» и желанием нанести удар, то они теряют юридическую легитимность. Это чистая политика, разрушающая саму логику собственности, требующую правовых принципов. Без принципов нет собственности. Поэтому баланс должен смещаться в пользу суверенитета. На Западе, однако, крупный частный капитал обрел власть, превышающую власть государств, став де-факто сувереном. Последствия этого катастрофичны.

На мой взгляд, в основе конфликта между Западом и странами БРИКС лежит возможность публичного суверенитета ограничивать частные интересы. Странами Запада управляют не президенты, а советы директоров крупного финансового капитала, цель которых — глобализм и подрыв суверенитета. Китай и Россия сохраняют сильный публичный суверенитет (коммунистическая партия в Китае, стабильное правительство в России), стремясь построить международное право, основанное на суверенитете. Остальные страны, входящие в БРИКС, — поле битвы этих концепций. Именно на таком поле — суверенитет vs всевластие капитала — сегодня разворачивается серьезная борьба.

— В России одним из наиболее заметных явлений последних лет стала частичная деприватизация. Насколько безусловным должно быть право собственности? Не будет ли правильным установить четкие законодательные основания для ограничения или даже прекращения действия права собственности ради общественного / государственного блага в случае недобросовестности собственника?

— Значительная часть идеологической приватизации 1990-х гг. как в России при Гайдаре и Ельцине, так и в Италии при технических правительствах, по сути, стала масштабным присвоением общественного достояния. Эти активы были проданы в интересах не народа (который формально выступал продавцом), а покупателей, приобретших их за бесценок с помощью различных форм коррупции.

До 1990-х гг. Италия обладала крупнейшей государственной собственностью в Западной Европе. Итальянская приватизация превзошла даже программу приватизации Тэтчер в Великобритании. Мы пытались поднимать вопрос о возвращении этого имущества в общественную собственность. Наша борьба за деприватизацию опиралась на теорию общественных благ, разработанную в 2006–2007 гг. министерской комиссией Стефано Родота. Эта комиссия впервые дала юридическое определение «общедоступным ресурсам» (*beni comuni*): природные блага (воздух, вода, леса, фауна, заповедники) и культурное наследие не могут быть проданы и должны оставаться доступными для всех. Я участвовал в работе комиссии в качестве вице-президента. Благодаря деятельности этой комиссии в 2013 г. акведук Неаполя был возвращен в муниципальную собственность (сегодня *Acqua Bene Comune Napoli*). Приватизация воды — безумная идея, в 2011 г. итальянцы на референдуме твердо отвергли ее. Поэтому я поддерживаю аналогичные процессы в России. Очевидно, что деприватизация, как и приватизация, должна базироваться на основе четких правовых принципов и прозрачности. Если государство открыто заявляет о необходимости контроля над стратегическими активами, особенно сегодня, и возвращает обществу то, что было продано за бесценок, это оправданно. Логика проста: раз приватизация 1990-х гг. не была проведена по рыночным ценам, то и при возврате собственности они не должны

применяться. Это вопрос восстановления системного баланса. Частный капитал руководствуется логикой краткосрочной выгоды, что ведет страну к катастрофе. Российская правовая культура должна перестать защищать частную собственность во что бы то ни стало. Нужно отказаться от логики защиты частной собственности как естественного права и начать размышлять о том, как сделать ее в интересах всех.

Частная собственность — это самый сложный комплекс политико-экономических отношений, и правовая культура играет важную роль в поддержании равновесия. Право и частная собственность не должны враждовать с властью. Российским юристам нужно разработать теорию и механизмы исправления последствий несправедливой приватизации.

Россия сильно пострадала в 1990-е гг. Москва в 2000 г. шокировала меня контрастом: крайняя бедность соседствовала с вызывающей роскошью новой элиты. Это было прямым следствием грабительской приватизации. Политика Ельцина и Гайдара («чикагских мальчиков» [\[2\]](#)) объективно работала на интересы Запада.

Юридическое сообщество России должно открыто признать: приватизация 1990-х гг. была ошибкой, приведшей к обнищанию страны. Без такого признания на уровне правовой культуры деприватизация обречена. Историки констатируют факты, а исправлять ошибку должны юристы, разрабатывая механизмы возврата на основе принципов законности, чтобы не создать новую несправедливость.

– Санкции в отношении россиян и российских компаний, как неоднократно подчеркивал Европейский Суд, являются ограничительными мерами, а не наказанием. При этом доходы от замороженных активов (например, ценных бумаг в Euroclear) уже используются ЕС, периодически поднимается вопрос об их полной конфискации. Какими глобальными правовыми последствиями чреват такой прецедент?

– Европа лукавит: санкции против России и Ирана незаконны. Односторонние меры,

игнорирующие международное право, разрушают сам принцип верховенства права. Ни ЕС, ни США не имеют морального права учить кого-то верховенству права. Европа сама — пространство беззакония. Верховенство права для них — лишь инструмент саморекламы и дискредитации альтернативных позиций. Мы столкнулись с кризисом легитимности: международное право в его нынешнем виде неспособно дать ответ на эти вызовы. Что остается, когда право бессильно? Фактические отношения могут строиться либо на переговорах, либо на насилии.

Мы живем уже не в мире права, а в мире политики и силового баланса. Когда государства — такие как члены ЕС, США (санкции против Ирана), Израиль (ситуация в Газе) — систематически выходят за рамки международного права, неизбежным следствием становится эскалация насилия. К сожалению, сейчас мы как раз переживаем данную фазу. Это крах права как инструмента урегулирования споров. Остается надеяться, что посредством политических переговоров удастся сдержать конфликт. В противном случае, с учетом мощных интересов и appetитов вовлеченных в него сторон, единственным «аргументом» останется оружие.

– Юридическое лицо — древний правовой институт, фундамент гражданского права, но сегодня его роль размывается. Как Вы думаете: устоит эта конструкция в современных реалиях, или юристам пора создавать новые институты с тотальным цифровым контролем всех процессов?

– Корпоративное право сохранится, но потребует укрепления. Причина — последствия неолиберального эксперимента, начатого в 1970-х гг. в США и Западной Европе.

Дерегулирование экономики, приватизация, сокращение госрасходов, доминирование частного сектора и свободная торговля фактически привели к подмене политики экономикой и ослаблению корпоративного управления, а по сути — к отмене норм корпоративного права, которые могли бы ограничить действия корпораций.

Под влиянием доктрины экономического анализа права, созданной Чикагской школой

права, корпорации добились свободы действий. Это был осознанный проект — дать капиталу абсолютную свободу. В результате мы получили тотальную коммерциализацию, культ краткосрочной выгоды, цинизм и коррупцию во всех общественных институтах.

Капитал аморален по природе. Его единственная цель — рост. Если мы хотим создать правовую систему, которая не будет сводиться только к публичному праву (как в Китае и России, где оно претендует на роль контролера над экономикой), то нам нужно сохранять и развивать корпоративное право.

Необходимо законодательно закрепить в уставе акционерных обществ принципы, выходящие за рамки максимизации акционерной стоимости. Сегодня доминирующая цель акционеров — обогащение через рост курса акций, зачастую они игнорируют эффект деятельности компании.

Корпоративное право должно стать инструментом цивилизации капитала. Конечно, нельзя превратить Google или Meta в «добропорядочных граждан» лишь посредством реформы управления. Однако обязать корпорации учитывать социальные и экологические последствия их действий — реалистичная задача. Для этого частное право должно восстановить свою управленческую функцию путем установления определенных рамок. Например, закрепить в уставах максимальное соотношение доходов топ-менеджмента и рядовых сотрудников (например, 1:10). Сегодня этот разрыв достигает 1:600 и более — такой дисбаланс разрушителен. Кроме того, устав должен требовать оценки долгосрочных последствий решений, а не только краткосрочной прибыли. Это касается всех: и частных компаний, и компаний с госучастием («Газпром», Eni), которые сегодня также действуют исключительно в интересах прибыли и акционеров.

Как же заставить их действовать в интересах всех? Необходимо взаимодействие частноправовых (корпоративное право, уставы) и публично-правовых (законы, госрегулирование) инструментов, правовое просвещение и формирование новой корпоративной культуры. Роль юридического сообщества (ученых, практиков) критически

важна — именно оно должно разрабатывать конкретные механизмы и продвигать дискуссию.

Очевидно, что направление задает исполнительная власть, но очень важно, чтобы такие вопросы обсуждались. А это задача гражданского общества, то есть юристов. Российская правовая элита не может перекладывать ответственность — ей нужно самостоятельно искать пути внедрения этических стандартов в корпоративное управление.

– В современном мире социальная ответственность бизнеса все активнее трансформируется из добровольных корпоративных стандартов в обязательные законодательные нормы. Особенно это касается вопросов экологической безопасности и защиты окружающей среды. Как должна выстраиваться эффективная система взаимодействия государства, бизнеса и общества в данной сфере?

– Если бы мне довелось проводить реформы, то ключевой задачей было бы внедрение на долгосрочную перспективу социальной ответственности бизнеса. Проблема современного корпоративного и частного права в целом заключается в его ориентации на разрешение конфликтов «здесь и сейчас». Увольнение работника, авария на предприятии, причинение ущерба — все подобные ситуации рассматриваются через призму сиюминутных обстоятельств и прав сторон. Именно эту доминирующую установку на «здесь и сейчас» необходимо изменить.

– Как интегрировать долгосрочную перспективу в корпоративные решения?

– Я считаю необходимыми три основных шага. Закрепление долгосрочного планирования в уставах компаний. Во-первых, каждая компания обязана публиковать трех-, четырех- или пятилетние планы развития. Эти документы должны четко обозначать стратегические цели компании, выходящие за рамки исключительно прибыли.

Во-вторых, во всех советах директоров должен присутствовать специальный представитель (не обязательно молодой, но способный мыслить стратегически), чья роль будет

заключаться в акцентировании долгосрочных последствий принимаемых решений и интересов будущих поколений. Этот представитель должен ежегодно отчитываться о соблюдении долгосрочных обязательств компании.

И в-третьих, при рассмотрении корпоративных споров в суде должна участвовать третья сторона — независимый «адвокат будущих поколений». Его задача — анализировать дело и предлагать суду интерпретацию и решения, максимально соответствующие долгосрочным общественным интересам и устойчивому развитию.

Я убежден, что такой переход от краткосрочной выгоды к долгосрочному планированию в корпоративном праве, а также открытое признание его социально-политического измерения (вместо отрицания такового) станет фундаментальным культурным сдвигом. Его реализация требует глубокой проработки, но именно этот шаг является одним из важнейших, которые мы можем предпринять в развитии частного права на текущем историческом этапе.

– Среди Ваших соавторов — антрополог, кандидат физико-математических наук и др. Расскажите, пожалуйста, про свой опыт сотрудничества с представителями других профессий?

– Такое сотрудничество необходимо. Мы живем в эпоху радикальных преобразований, вызванных новыми технологиями (интернет, ИИ и др.), а современное право сильно устарело. Оно регулировало сначала аграрную, затем промышленную экономику, а сегодня эпоха экономики знаний, регулировать которую с помощью ограничений и запретов неэффективно. Право либо все разрешает технологиям, либо пытается им препятствовать, при этом никак не транслируя свои ценности.

Так происходит из-за позитивизма права. По сути, право — лишь надстройка, его нельзя изучать без связи с историей, экономикой, антропологией, религией, политикой.

Юридический анализ должен включать все эти аспекты.

Кроме того, нельзя сводить право только к его западной модели. Возьмем, к примеру, социалистическую законность в СССР: политическая власть должна была влиять на экономику ради общественных нужд. Запад критикует этот приоритет политики над правом как «авторитаризм», но он критически важен для предотвращения обратной ситуации — доминирования крупных частных корпораций в политике, что происходит на Западе. Там сейчас невозможно стратегическое планирование: крупные корпорации (особенно финансовые) борются за сиюминутную выгоду, полностью игнорируя общественные интересы. Мы называем это «верховенством права», но на деле зачастую это ни что иное как триумф профессионализма на службе частного капитала. Право же должно быть чем-то большим. И осознать это можно, лишь изучая его в комплексе с другими дисциплинами. Юристам необходимо осваивать смежные области знания.

Я учился в Йельской школе права под руководством Гвидо Калабрези [\[3\]](#), где много работал с экономистами. Одна из первых моих книг написана в соавторстве с Робертом Кутером, Томасом Уленом и другими известными американскими экономистами и юристами [\[4\]](#). С профессором антропологии Калифорнийского университета в Беркли Лаурой Нейдер мы написали книгу «Грабеж. Когда верховенство закона становится незаконным» [\[5\]](#), которая затем была переведена на многие языки. Может показаться странным, но у права и антропологии есть точки пересечения. У всех народов есть право, даже если оно не всегда кодифицировано. Западные империалисты считают народ, не имеющий кодифицированного права, варварским. Эта идея лежала в основе завоевания Америки, а сегодня она оправдывает экспорт демократии (с помощью бомб) в Афганистан, Сомали и Ирак и в целом презрение к глобальному Югу. Антропология, воспитывая уважение к другим народам, учит юристов быть чуть менее невежественными и высокомерными. Разве Китай с его древними традициями должен учиться праву у американцев? Это нонсенс, инструмент

доминирования, не более.

С американским физиком-экологом Фритьофом Капррой мы написали книгу «Экология права», которая переведена на русский язык. Подытоживая, скажу, что опыт работы со учеными, не являющимися юристами, помог мне взглянуть на право с точки зрения других наук и увидеть важные перспективы.

– Как изменится роль юриста в течение следующих 10–20 лет? На какие области знаний Вы посоветовали бы обратить внимание завтрашним студентам вузов?

– Я считаю ключевым изучение истории, современной геополитики и великих классиков литературы. Если бы я был российским студентом, то больше читал бы Достоевского, Толстого и других ваших авторов, которые стремились к точному, неприукрашенному описанию реальности. Культурные основы отличают человека от машины. Гнаться за последними технологическими новинками — путь к поражению. Я больше не говорю своим студентам, что они станут адвокатами, нотариусами, профессорами, потому что мир стремительно меняется. Мы не знаем, где окажется право через несколько лет, каких сегодняшних профессионалов смогут заменить машины. Современного человека должно отличать любопытство — интеллектуальный голод, требующий постоянного насыщения. А юристам необходимо расширить понимание права: видеть в нем не свод писанных правил, а часть культуры.

Для каждой страны жизненно важно развивать свою культуру и через нее осознавать себя. Это не означает разрыва отношений с другими. Диалог необходим, но он должен быть равноправным. К сожалению, Запад на протяжении всей истории капитализма диктует другим, как поступать, прибегая порой к откровенной лжи. Буржуазное право по своей сути — инструмент угнетения, хотя и освобождавший отдельных людей. Важно понимать эту политическую силу права.

– Как Вы считаете, в современных реалиях ИИ будет помогать или, наоборот, вредить? Мы видим, что он уже способен заменить человека в некоторых профессиях. К каким серьезным последствиям это может привести?

– Я думаю, что влияние ИИ на право выходит далеко за рамки простого вопроса о сокращении или создании рабочих мест. Искусственный интеллект — это технология, он служит целям своих создателей и заказчиков, хотя нельзя исключить появление в будущем систем с определенной автономией — это явление известно как «разрыв целей».

Одна из ключевых областей изменений — язык. Сегодня утром мне попала на глаза реклама «умных очков» за 500 долларов, которые позволяют понять собеседника, на каком бы языке он ни говорил. Вспомним, что раньше право говорило на национальном языке. Перенос правовой системы одной страны в другую был не просто переводом законов с одного языка на другой, а сложной культурной, политической операцией, требовавшей глубокого толкования и дискуссии. Сейчас эту функцию берет на себя машина. Можно сесть за стол с юристами из разных стран, надеть «умные очки» и обсуждать документ с любого места, мгновенно понимая друг друга.

Но осознаем ли мы все риски? Перевод, который сделал ИИ, может исказить смысл и заставить вас сказать то, что не соответствует действительности. Такова новая реальность, в которой мы живем.

Использование технологий будет только расти: ради прибыли, укрепления политической власти или стратегического влияния. Политическая борьба неизбежно переместится в данную сферу. Это критически важно понимать уже сейчас. Юристам необходимо разбираться в том, как работают умные технологии. Только так мы сможем направить развитие ИИ на службу человечеству и общественному благу, а не исключительно в угоду интересам капитала.

- Что Вам особенно понравилось в Санкт-Петербурге в последний приезд?

- Я много гулял при каждой возможности. Это удивительно, но у меня было ощущение, будто я уже знал Петербург, хотя раньше никогда в нем не был. Очевидно, дело в том, что одна из важнейших для меня книг — «Преступление и наказание» Достоевского. Но больше всего меня поразило вот что: будучи итальянцем, в Петербурге я чувствовал себя другом. Несмотря на все неприглядные поступки моего правительства (ведь сегодня Италия ведет себя постыдно по отношению к России) и даже на то, что меня самого осуждали в университете за протест против односторонней подачи украинского конфликта в СМИ, итальянцев, которых по логике «друг или враг» вроде следовало бы отвергнуть, в России по-прежнему принимают очень тепло. В этом контраст: пока Италия подвергает русских художников, музыкантов, писателей настоящему ostracismo (что, на мой взгляд, позор для моей страны), мы не заслуживаем той искренней доброжелательности, с которой меня принимали в Петербурге. Честно говоря, это произвело на меня очень сильное впечатление. В любом случае, это был ценный опыт, и я искренне рад тому, что снова побывал в вашей стране и ощутил теплоту.

Перевод с итальянского Ирины Боченковой.

Благодарим Марию Мазо, директора департамента правового сопровождения проектов «Русской медной компании», за помощь в организации интервью. Мария была студенткой Уго Маттеи.

[1] Речь идет о книге Маттеи У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. — М.: Юристъ, 1999. Издание выполнено в рамках программы «Юридический учебник» Московского общественного научного фонда совместно с Институтом конституционной и законодательной политики (COLPI — Будапешт) при финансовой поддержке Института «Открытое общество». Уго Маттеи написал первую часть учебного пособия «Основные принципы права собственности», посвященную сравнительному анализу права собственности, как оно толкуется в США и основных европейских странах. — Здесь и далее

— прим. ред.

[2] Термин «чикагские мальчики» стал общеупотребительным, означающим «шоковых терапевтов» в сфере национальной экономики. Так в 1970 — е гг. называли группу чилийский экономистов, прошедших обучение по программе Чикагского университета, в то время возглавляемого М. Фридманом, автором концепции «шоковой терапии». Чили стала одним из первых плацдармов для масштабных экономических экспериментов по коренной перестройке «социалистической» экономики в «свободную капиталистическую». — Прим. ред.

[3] Калабреззи считается одним из основателей направления, изучающего применение микроэкономической теории к анализу правовых норм. Этот подход известен как Law & Economics (право и экономика или экономический анализ права). В нашем журнале данной теме была посвящена отдельная рубрика.

[4] Cooter, Robert; Mattei, Ugo; Monateri, Pier Giuseppe; Pardolesi, Roberto; Ulen, Thomas. Il mercato delle regole: analisi economica del diritto civile. — Bologna: Il Mulino, 1999. Second edition in two volumes. Bologna: Il Mulino, 2006.

[5] Mattei, Ugo; Nader, Laura. Plunder. When the Rule of Law is Illegal. — Malden, MA: Blackwell Publishing, 2008. На русский язык не переведена.

профессор международного и сравнительного права
Калифорнийского университета в Сан-Франциско (штат
Калифорния), профессор гражданского права в Туринском
университете (Италия)

Уго Маттеи

ИНТЕРВЬЮ

СОБСТВЕННОСТЬ